

Александр Каневский

ДВА СТАРЫХ МУРАВЬЯ

(Повесть-водевиль)

Александр Каневский

ДВА СТАРЫХ МУРАВЬЯ

(Повесть-водевиль)

Зебра Е
МОСКВА

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-4
К19

Обложка и иллюстрации:
Лев Помянский

Подписано в печать 08.12.2014.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
Печ. л. 25,20. Тираж 3000 экз.

Каневский, Александр.
К19 Два старых муравья (повесть-водевиль) / Александр Каневский. – М.: Зебра Е : 2015. – 144 с.

ISBN 978-5-906339-11-9

© Александр Каневский, 2015.

© Все права сохраняются за автором. Данная книга или любая ее часть не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения автора.

Компьютерная верстка – Издательство Beit Nelly Media, 2015.
www.beitnelly.com

ISBN 978-5-906339-11-9

Необходимое предисловие

Читатель может спросить, что это за странный жанр: повесть-водевиль? Отвечу вопросом на вопрос: а почему нет? Ведь существует повесть-детектив, повесть-мелодрама, комедийная повесть, трагическая, эксцентрическая... Так почему повесть не может быть водевильной?

Листаю словари: «Водевиль – это вид комедии, где диалоги и действие построены, как правило, на занимательной интриге, сочетаются с музыкой, песнями и танцами... Облегченная форма изложения... Драматические столкновения в комедийном плане... Импровизации на текущие злобы дня...»

Ещё раз проверяю: занимательная интрига в повести имеется, есть драматические столкновения в комедийном плане, и много забавных диалогов, и импровизации на текущие злобы дня тоже есть, и песни сопровождают всё действие, и даже один танец я сюда вставил. Все условия водевиля выполнены.

Спросите, а для чего это мне нужно? Отвечаю, снова цитируя словари: «Легкий характер содержания является отличительной чертой водевиля...» Вот ради этой спасительной фразы я и придумал этот жанр! Не поняли? Объясняю. Если будут претензии от критиков, что-нибудь вроде: «Перегруз нравов учений (или наоборот: недогруз)... Автор пытается философствовать (или наоборот: не пытается)... Очернение действительности (или наоборот: её лакировка)» – я даже не стану оправдываться, а просто разведу руками и с наивной улыбкой им отвечу, мол, что вы хотите – это же водевиль!

Вы меня поняли? Я очень рад. Переверните страницу и – приятного чтения!

Открыв обложку, читатель сразу окунётся в серую предрассветность, сквозь которую можно разглядеть Кремлёвские башни, Собор Василия Блаженного, высотное здание Университета, Останкинскую телебашню, разглядеть и решить, что это повествование начнётся на улицах и площадях Москвы.

Но когда наступившее утро сметёт с небесной ска-
терти уже ненужные звёзды, как крошки со стола по-
сле ужина, станет видно, что соборы, высотные зда-
ния, университет, телебашня – это всё макеты, которые
расставлены на полках в квартире главного героя этой
повести Сан Саныча Грибанова. (Друзья его называют
Санычем, и я тоже буду так его называть.) Вот и полу-
чается, что наша повесть начнётся не на площадях Мос-
квы, а в маленькой квартирке, однокомнатной, но с
довольно просторной кухней, где сейчас и находится
хозяин квартиры, в пижаме, в тапочках и в пресквер-
ном настроении. Быть может, из-за погоды. Уже месяц
стоит изнуряющая жара, вокруг Москвы пожары, горят
пересохшие леса и торфяники. Сквозь задраенное ок-
но проникает запах гари, за стеклом – горячая пыль,
перемешанная с пеплом, донесённым ветром из Под-
московья. Эта смесь раздражает горло, затрудняя ды-
хание и вызывая кашель. На тротуарах, на деревьях,
на крышах – тоже слой пыли и копоти – порывы ветра
сметают их и уносят вверх, в небо, почерневшее, как
сковородка, которую давно пора отдраить и помыть,
но нечем.

Москва безуспешно ждёт дождя. И Саныч тоже.

Он сидит на табуретке у стола, подперев голову ладонями, а рядом, на столе, стоит старый, потёртый патефон и, поддерживая настроение хозяина, поёт:

*Играют там джазбаны,
Танцуют обезьяны
И скалят искалеченные рты...
А я, больной и пьяный,
Сиж у фортепьяно
И сыплю им в шампанское цветы...*

Входная дверь открывается (как потом выяснится, она никогда не бывает закрыта), входит Аркадий Сергеевич Арский, красивый, вальяжный, не в пример хозяину квартиры уже гладко выбритый и окутанный ароматом «Босса». Не здороваясь, проходит к столу, хлопает по нему ладонью – патефон замолкает. И только после этого обращается к Санычу.

– Не заходишь, не звонишь? Мобильник не отвечает! Телефон отключён!.. И, как говорят в Одессе, не надо на меня так молчать! Что случилось?

– Душа покоя просит.

– А воблы? А пива? – вынул из целлофанового пакета большую рыбину и две банки пива. – Доставай масло.

– Нету.

– А лучок?

– Тоже нет.

– У тебя же всегда был забит холодильник.

– И сейчас забит. Гвоздями. Пока Дэзи была жива, покупал ей, покупал себе, а теперь... Питаюсь в кафе.

– Ладно, обойдёмся. – Аркадий Сергеевич вскрыл банки, разорвал рыбину пополам, протянул полови-

ну Сан Санычу. – Ну, с добрым утром!.. – чокнулись банками. – Как воблочка?

Саныч, наконец, улыбнулся.

–Класс!.. –И тут же подавился костью. – О, чёрт!.. Чёрт!..

Арский схватил со стола засохшую корку хлеба и протянул Санычу.

– На, протолкни!.. Сколько я тебя знаю, всё время давишься костью. Чего спешишь?

– Чтоб ты не отобрал. Фу-у-у, проскочило. Знаешь, как я умру? Подавлюсь костью и некому будет подать мне корку хлеба.

Арский несколько секунд внимательно смотрит на него. Потом садится рядом на табуретку.

– Ты в трансе? – Не дождавшись ответа, взял его за плечи и встряхнул. – Что случилось?

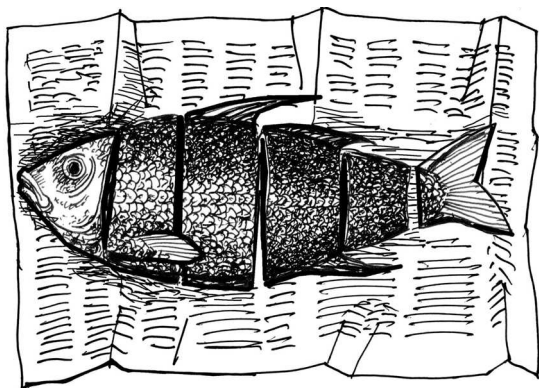
– Ничего особенного, просто меня выпроваживают на пенсию.

– Всего-то?.. А ты не соглашайся. Можно жаловаться.

– На что? Они и так терпели меня лишние годы. И потом, всё очень пристойно, деликатно: «Вам уже, наверное, тяжело?.. Ваши ученики продолжают ваше дело. Вы были и останетесь лучшим макетчиком в Москве...» К медали представили, проводы готовят.

– Ну и плюнь! Своё дело откроешь – к тебе все их заказчики перебегут.

– Какой из меня бизнесмен! Да и их тоже можно понять – сегодня уже другой темп, другой объём, я не успеваю. Да и рука у меня уже не та.

Саньч хлопнул ладонью по столу – и патефон продолжил прерванную песню:

*...И тогда с потухшей ёлки
Тихо спрыгнул ангел жёлтый
И сказал: «Маэстро бедный,
Вы устали, вы больны...»*

Арский в сердцах тоже хлопнул по столу – патефон умолк.

– Почему не купишь магнитофон?.. Возишься с этим ископаемым!

– Он со мной весь Афган прошёл, ты же знаешь. А до этого – с батей, от Сталинграда до Берлина.

– Ну, и всё: отработал своё – пора на пенсию.

– Вот и они мне так говорят.

Арский смутился.

– Извини!

– Он у меня – член семьи. Будем доживать вдвоём, два пенсионера.

– Нет, я тебе не дам стать раком-отшельником! – Аркадий Сергеевич решительно поднялся с табуретки, раздёрнул шторы на окне, включил вилку телефона в розетку. – Кофе у тебя есть?

– Растворимый.

– Угости.

– Пожалуйста.

Саньч достал банку, всыпал кофе в стакан, потом открыл кран и наполнил стакан водой.

Арский в ужасе:

– Что ты делаешь?

– Ты же просил кофе.

– Из-под крана?!